НРАВСТВЕННЫЯ ИЗОБРАЖЕНІЯ.

I.

ВЛАДЫЧЕСТВО надъ самимъ собою.

Ничто не внушаетъ столь справедливаго, столь глубокаго почтенія къ человѣку, какъ великодушіе, твердость въ щастіи и нещастіи, на конецъ *владычество надъ самимъ собою*. Самая благородная независимость состоитъ въ независимости отъ внѣшнихъ случаевъ и отъ внутреннихъ колебаній и страстей. *) Человѣкъ настоящаго постоянства и твердости, человѣкъ

*) Зри *Ад.* Смита Теорію нравственныхъ чувствованій стр. 360.

мудрой и праведной, которой воспитанъ въ трудномъ училищѣ *владычества надъ собою*, въ шумѣ и дѣлахъ гражданскихъ, подверженъ, можетъ быть, насилiю и несправедливостямъ непрiятелей, трудамъ и опасностямъ военнымъ, содержитъ строгую власть надъ собственными своими чувствованiями во всѣхъ случаяхъ; и равно въ уединенiи или въ обществѣ сохраняетъ почти все тоже поведенiе и трогается почти одинакимъ образомъ. Въ успѣхѣ или неудачѣ, въ щастiи или нещастiи, передъ друзьями или непрiятелями, онъ часто имѣлъ случаи явить опыты мужества своего. Онъ не осмѣливался позабыть ни на одну минуту, суда, которой безпристрастной зритель наложитъ на чувствованiя его и поведенiе. Ни на одну минуту не терпѣлъ онъ, чтобъ *внутреннiй человѣкъ*, *сей полубогъ въ груди его*, отсутствовалъ отъ его вниманiя.

Гос. Историч Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 289379
„ „ 1937 г.

Очами сего величественнаго обитателя привыкъ онъ взирать на все то, что до него касается. Сїе обыкновенїе здѣлалося неразлучнымъ отъ существа его. Безпрестанно упражнялся онъ въ сообразованїи, не только внѣшнихъ своихъ поступокъ, но и самыхъ внутренныхъ чувствованїй съ повелѣнїями сего прозорливаго судїи, отъ котораго онъ не можетъ укрыться. Онъ не только показываетъ чувствованїя безпристрастнаго зрителя. Онъ ихъ присвояетъ себѣ дѣйствительно. Онъ самъ почти становится симъ безпристрастнымъ зрителемъ и едва ли когда иначе чувствуетъ, нежели какъ направляетъ его сей великой судїя дѣянїй его.

Симъ путемъ достигаетъ человѣкъ возвышеннѣйшаго достоинства, которое существуетъ въ природѣ его, достоинства *добродѣтелънаго человѣка*. Щастливъ тотъ,

котораго сердце, при именованіи семъ, воспламеняется благороднымъ соревнованіемъ!

II.

ЛЮБОВЬ УДОВОЛЬСТВІЯ.

Не одни труды и нещастія упражняютЪ постоянство мудраго человѣка. Иногда самое благополучіе, ослабляя душу его, препятствуетЪ ей возвыситься кЪ добродѣтели. *Любовь удовольствія*, склонность естественная, но вредная, ежели необуздана разумомЪ, виновное предпочтеніе спокойствія и нѣги, наконецЪ *роскошь*, сія непріятельница добродѣтели, уничтожаютЪ иногда щастливѣйшія надежды и низводятЪ душу чувствительную и благородную со степени достоинства и славы, кЪ которой она была назначена.

*

Херей былъ знатной гражданинъ Аѳинской. Рожденъ въ сіяющій періодъ отечества своего, когда философія срѣталася часто въ одной особѣ съ дарованіями полководца и градоправителя, получивъ отъ природы щастливыя способности, но непобуждаемъ нуждою привести ихъ въ совершенство, онъ погубилъ ихъ въ праздности и не оставилъ по себѣ имени. Бѣгая безпрестанно за увеселеніями, онъ не успѣлъ возвысить разума своего выше младенчества и пріуготовить его къ важнымъ должностямъ человѣка и гражданина. Онъ боялся утомить юность свою ученіемъ писменъ. Какимъ бы образомъ приступилъ онъ къ управленію республики и къ убѣжденію цѣлаго народа, когда онъ не могъ заниматься ничѣмъ, кромѣ забавнаго, когда онъ не былъ въ состояніи сносить труда ни на одно мгновеніе и когда малѣйшее размышленіе утруждало вниманіе

его? Тѣлесныя упражненія Гимназіи ужасали слабость его. Ни когда не могъ онъ принудить себя итти далѣе перьвыхъ предложеній Геометріи. Одинъ разъ вошелъ онъ въ училище *Горгія*. Но правила краснорѣчія показались ему сухи и трудъ сочиненія невозможнымъ. Откровенія *Анаксагора*, бесѣды *Сократа* не поражали его удивленіемъ; но безполезныя сказки услаждали слухъ его. Одушевленъ пылкою храбростію, пошелъ онъ на войну противъ *Мегарійцовъ*; но тягость оружій, трудъ похода и лишеніе сна столько изнурили силы его, что надобно было отвести его домой, не доходя до непріятеля. Не способенъ быть судьею, онъ лучше согласился потерять собственную тяжбу свою, нежели подвергнуться скукѣ узнать обстоятельста дѣла. Прохлады, зрѣлища, пиршества были единымъ его упражненіемъ. Онѣ столько же отяготили

разумъ его, сколько упучнили тѣло. Непреодолимая скука встрѣчалася ему посреди забавъ его: и роскошъ, которая оставила его, изощрила въ немъ только чувствованіе скорби. Онъ кончилъ тяжелой сонъ жизни и отечество не примѣтило, что оно потеряло гражданина. Нещастливъ, кто хочетъ забавляться безпрестанно!

III.

НАСИЛЬСТВЕННЫЯ СТРАСТИ.

Ежели человѣкъ, ослабленной нѣгою, не въ состоянiи возвыситься ни къ какому подвигу добродѣтели, не имѣетъ никакой силы въ душѣ своей и дѣятельности въ разумѣ; то напротивъ того тотъ, которой получилъ отъ природы опасной даръ *сильныхъ страстей*, можетъ быть творцомъ несчастiя себѣ и другимъ, ежели не приложилъ старанiя заблаговременно умѣрить неистовство страстей своихъ и прiучить ихъ къ спасительному игу разума.

Обратимся на минуту къ прекраснымъ баснямъ Грековъ. Кто этотъ молодой Князь, котораго лице, отъ природы бодрое и величественное, омрачено печальною тѣнiю

ярости, отмщенія и озлобленной гордости? Не сотворенъ къ позорной праздности, между тѣмъ какъ поприще славы отверзсто и соотечественники его устремляются сыскать бѣдственной день Трои, онъ одинъ, откинувъ военные доспѣхи, скучаетъ на брегу морскомъ и питается надеждою отмщенія своему собственному отечеству. Ето *Ахиллесъ*, котораго безразсудное поведеніе должно служить зерцаломъ юности, нетерпѣливой и пылкой. *Вредной гнѣвъ его навлекъ Ахеямъ безчисленныя бѣдствія и повергъ во преисподнюю многія души Героевъ.* *

Несчастно то сердце, котораго движенія не были никогда укрощены нѣжнымъ уваженіемъ къ человѣчеству и которое предпочитаетъ исполненіе прихотей своихъ спокойствію и счастію другихъ. Властолюбіе вооружаетъ *Іюлія Цесаря.* Онъ желаетъ быть лучше *первымъ въ хижинѣ*, нежели *вторымъ въ Римѣ*: и тысячи согражданъ его умираютъ затѣмъ, чтобъ Антоній увѣнчалъ его.

* Смотри первые стихи Илліады.

Истинной Герой тотъ, которой жертвуетъ драгоцѣннѣйшія желанія свои общему благу. Таковъ *Сократъ*, проповѣдующій истинну и добродѣтель; таковы *Антонинъ* и *Маркъ - Аврелій*, посвящающіе всѣ мгновенія свои благополучію человѣческаго рода.

Желанія, которыя не основаны на справедливости и благоволеніи, не производятъ прочнаго счастія. Честолюбивой никогда не достигаетъ сіяющей мечты, за которою гоняется. Утомляемъ безперестанно возраждающимися желаніями и лишенъ собственнаго одобренія, которое доставляется только добродѣтелью, онъ видитъ ничтожность исканіи своихъ,

Et monté ſur le faite, il aſpire à deſcendre.

Свойство сильныхъ страстей въ томъ, что онѣ похищаютъ вдругъ все владычество у разума. Кровь легко воскипающая устремляетъ порывами воображеніе: и всѣ внѣшніе предмѣты представляются въ ложномъ свѣтѣ страсти. Войско не можетъ

быть увѣрено въ безопасности своей, ежели предводитель его не сохраняетъ хладнаго разсужденія въ самомъ огнѣ дѣйствія. Самая храбрость не состоитъ столько въ слѣпой запальчивости, которая подвергаетъ жизнь нашу безъ нужды, какъ въ сей силѣ души, которая поставляетъ насъ въ состояніе разсматривать опасность безъ смятенія и употреблять всѣ наши способы къ преодолѣнію оной.

Есть разумы непреклонные, которые самымъ несчастіемъ ожесточаются. Упрямство ихъ раздражается невозможностію. Такимъ образомъ *Карлъ XII.* съ горстью людей подвергается осадѣ Турокъ и воюетъ съ тѣми, которые дали ему убѣжище въ землѣ своей.

IV.

БЛАЖЕНСТВО.

Блаженъ, кто могъ вещей постигнути причины
И страхи всѣ и гнѣвъ несытыя судьбины
И Ахерона шумъ подвергъ ногамъ своимъ.

Виргилїй.

Верховное благо, за которымъ мы гоняемся столь далеко, можетъ быть ближе насъ, нежели мы думаемъ. Оно въ нѣдрахъ природы. Чего ради было положить въ сердце каждаго человѣка безпрестанное желанїе блаженства, ежели бы надобно было искать его далеко отъ насъ самихъ и ежели бы оно заключено было только въ такихъ выгодахъ, которыя судьба не многимъ даруетъ? Благополучїе есть произрастенїе каждой страны и каждаго климата. Нигдѣ все со-

всѣмЪ, но вездѣ присутственно, оно является подЪ тысячью различныхЪ видовЪ, соединяется сЪ каждымЪ состоянїемЪ и существуетЪ само собою. Оно не состоитЪ ни вЪ веселѣ, ни вЪ пышности, ни вЪ сїянїи. Веселье есть существо убѣгающее, котораго не можно остановить; богатство ничего не сказываетЪ сердцу: самая слава, кумирЪ великихЪ душЪ, слава имѣетЪ свои несчастїя, дарованїе свои мученїя. Благополучїе есть чувствованїе сердца, которое жило всегда вЪ послушанїи природы и сохранило неповрежденную способность наслаждаться красотою ея. Простота, незлобїе, прїятное ощущенїе жизни, безпрепятственное наслажденїе естественныхЪ благЪ, мало нуждЪ, мало страстей, но тѣмЪ болѣе чувствованїй нѣжныхЪ и тихихЪ, священныя союзы родства, дружбы и человѣчества, столько труда, чтобЪ заставить желать спокойствїя: таковы вообще понятїя, которыя возбуждаются во мнѣ при словѣ *блаженства*. Но ежели бы мнѣ надобно было представить видимое изображенїе благополучнаго человѣка, я сказалЪ бы: БлаженЪ

обитатель спокойной сѣни, въ уединенномъ лужку, близъ исходища тихой и прозрачной рѣчки, подъ деревомъ имъ самимъ насажденнымъ и котораго благотворной листъ защищаетъ его отъ свирѣпости вѣтра. Уединенїе и бѣдность ограждаютъ его отъ нападенїя нечестивыхъ. Путь жизни его есть тайная тропинка, которую любить находить прїятная задумчивость чувствительнаго человѣка. Никогда не сїялъ онъ на сѣдалищѣ чести и власти и прахъ военной не покрывалъ легкой одежды его. Но часто отиралъ онъ слезы праведника, утѣсняемаго жестокосердымъ губителемъ, и возвращалъ добродѣтель и раскаянїе въ сердца грѣшныхъ. День и ночь поучается онъ въ великой книгѣ Природы и душа его возвышается неизмѣримостїю творенїй Господнихъ. Съ благодарностїю вкушаетъ онъ благодѣянїе жизни и воображаетъ безъ трепета, что онъ долженъ нѣкогда сокрыться отъ лица земли. Онъ имѣетъ сладостное увѣренїе, что душа его не погибнетъ и надѣется воскреснуть въ странахъ несравненно прекраснѣйшихъ. Сїи величественныя

ОИК № 2282

размышленія дѣлаютъ нравъ его важнымъ, но не угрюмымъ. Онъ не отметаетъ отъ себя нѣжнаго человѣчества и никогда строгой судъ не исходитъ изъ устъ его. Человѣкъ слабой любитъ слушать совѣты его; за тѣмъ что они пользуютъ, не оскорбляя, и бремя угрызеній совѣсти отпадаетъ по его утѣшительному гласу. — Испытывая изображеніе счастливаго человѣка, я не успѣю можетъ быть выбрать черты самыя сильныя и выразительныя; но я доставлю себѣ пріятное мгновеніе мечтать о благополучіи.